220-ЫЙ КВАРТАЛ

– Мама, ну когда наступит зима и выпадет снег? – нетерпеливо дергал я за руку.

– Скоро, скоро, сынок, еще несколько дней...

С каким восторгом я ждал этого момента. Вся земля покроется белым, пушистым покрывалом. Вначале можно будет лепить снежную бабу, затем Новый год – мой любимый праздник с украшением елки, наконец, катание на лыжах – красота. И вот через несколько дней, зайдя с улицы, мама сказала:

– Однако, завтра снег выпадет.

Я взглянул на часы – было пять часов дня. Как долго ждать... И тут же мелькнула мысль, что если я рано лягу спать, то когда проснусь, будет уже завтра. И забрался в кровать.

– Не заболел ли? – забеспокоился отец.

– Нет, – улыбнулась мама, – это он первый снег очень ждет.

Проснулся, а в доме темно, на улице тоже. Прильнул к окну – ничего не видно. Но чувствую, что-то должно произойти. Однако сон вновь сморил меня. Утром первым делом к окну. Ура! Вся земля в снегу. Одевшись, быстро выскочил на улицу. Снег лежал тонким слоем и уже не казался белым. То здесь, то там проступали темные пятна земли. Но все равно – зима пришла.

Это одно из ярчайших моих воспоминаний о детстве, о месте, где я родился, о поселке. Вначале – кулаков, затем – репатриированных, кто был в оккупации под немцами. Позже – «вербованных»: тех, кто по оргнабору государства бросали свои родные деревни в Белоруссии и на Украине и приезжали валить лес для Родины, чтобы жить получше.

Политических, кто шел по «ленинградскому» и «делу военных». Поселок тогда не имел названия. Даже это было не позволено. Он называлось просто «220-й квартал». Название было написано известкой на крыше конторы лесопункта – градообразующего предприятия. Леспромхоз, в который входило наше подразделение, назывался «Сотринский». Он объединял несколько населенных пунктов: железнодорожную станцию «Сотрино» (40 км от Серова), поселки – Первомайский, Ивановский и наш, 220-й квартал, который местное население сократило до просто «Двадцатый».

Поселение состояло из «микрорайонов» – лесозавода, центра, заречья. Понятно, что лесозаводские работали на переработке древесины, центровые кучковались вокруг клуба, школы, больницы, конторы лесопункта. Поселок на окраине пересекала речка Куликовская.

Итак, «Двадцатый». Расположен в 25 километрах от железнодорожной станции. Основное занятие людей – лесозаготовка и лесопиление. Была еще узкоколейная железная дорога, по которой вывозили хлысты. Конный двор с тридцатью лошадьми, которые в пятидесятые использовались при погрузке и вывозке леса. В шестидесятые годы, когда появились новые современные агрегаты и механизмы, просто доживали: на них возили бочки с водой в школу, детсад и столовую, пахали огороды, доставляли сено с покосов.

Главной достопримечательностью поселка была спортивная площадка рядом с клубом и четырнадцать бараков, в которых жили те, кто недавно приехал и пока не обзавелся собственным домом, а также бывшие зеки, неженатые молодые ребята и девушки. Причем, каждый номер барака определял, не только кто там живет, но и их социальное положение.

С 1-го по 4-ый барак – это семьи без отцов, женщины, высланные за аморальное поведение из городов. Они базировались вокруг лесозавода.

В 5, 6, 7, 8-ом бараках жили семьи, которые вот-вот должны были получить казенное, отдельное жилье (дома на два, четыре хозяина) или строят собственное.

9-ый барак особый – жили в нем холостые. Здесь селились молодые специалисты из ремесленного, педагогического и медицинского училищ города Серова. Находились они там, как правило, недолго. Женились, выходили замуж, меняя «общагу», на более цивильное жилье. Редко кто уезжал из поселка. Может быть, потому, что в те времена в их родных деревнях и селах было не сладко.

10, 11, 12, 13, 14-й бараки были предназначены для бывших зеков, коих приезжало немало, и просто лихих людей. Туда редко кто захаживал в гости. Драки, пьянки, поножовщина.

Однажды бывшие зеки забили насмерть моряка, пришедшего в отпуск. Терпению местных жителей пришел конец. Собралось человек 60-70 взрослых женатых мужиков, вооружились кольями, железными прутьями, и ночью ворвались в 14-й барак. Били смертным боем. Когда барачные поняли, что их убивают, кинулись, кто в чем, в сторону железной дороги. Гнали их уже из всех пяти бараков. Кто-то сообщил об этом начальству (милиции у нас не было). Быстро подогнали несколько товарных вагонов и увезли их в город (так называли Серов).

Случилось это в середине пятидесятых. Но с тех пор ни один вновь прибывший на работу к нам зек, услышав историю про 14-й барак, не вел себя вызывающе, да и местные ребята прямо на вокзале кулаками доказывали, кто хозяин в поселке.

ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

Любой населенный пункт образовывается для определенной цели. В 1947 году Сотринский леспромхоз открыл новый лесопункт в 220-ом квартале, согласно лесотаксационной карте Серовского района. Туда после ликвидации комендатуры НКВД моя семья (уже не спецпереселенцев, а свободная, как все советские люди, переехала на новое место жительства). Отныне не надо было каждый вечер отмечаться у местного чекиста, что ты дома – не сбежал и ничего не натворил с точки зрения закона.

Вообще система уничтожения человека как личности, превращение его в «винтик» государственной машины, была в то время очень изощренной и сволочной. Так, например, с 1930 по 1947 годы наша семья меняла четыре раза место жительства. Причем, делалось это насильственно.

Отец рассказывал, что первый раз привезли в тайгу километров за 15-20 от железной дороги Свердловск–Серов (где-то в районе Верхотурья) и приказали через неделю уже заготовлять древесину. По шесть кубометров на человека в день. Причем, дерево надо было свалить, очистить от сучков, раскряжевать на шестиметровые бревна и сложить в штабель. Только тогда выдавалась суточная пайка еды на работающего. Не выполнил норму – ничего не получил.

Всю неделю рыли землянки, строили шалаши. Шел декабрь, надо было выживать, потому что человеческая жизнь «врагов народа», кулаков, ничего не стоила. Папка вспоминал, что «хохлы», приехавшие с ними с Украины, отказались валить лес, мотивируя тем, что они хлеборобы и не умеют работать на лесосеке. Жгли костры, питались тем, что привезли с собой. Но вскоре еда кончилась: стали пухнуть с голоду, ослабели до того, что не могли вставать. Мороз заканчивал дело. Каждое утро несколько трупов «актировали» и куда-то увозили.

– Хорошо, что мы с мамой еще не поженились и детей не было, – говорил отец, – а вот у других и дети умирали.

С муками, неимоверными трудностями, но поселение обживалось. Весной раскорчевали лес, посадили картошку, построили бараки, появилась живность. Через три года это был уже крепкий поселок со своей инфраструктурой. Тяжело, но жить можно. Однако, как только власть это замечала, тут же отдавался приказ – осваивать новое место жительства. Обязательно километров за 30-50 от прежнего вглубь тайги. И все повторялось заново. Только люди уже имели опыт: адаптировались на новом месте быстрее.

Вот так мы осваивали лесозаготовки в четырех населенных пунктах, пока советская власть не решила, что мы стали «лояльные» к ней и милостиво разрешила жить там, где мы желаем. А желали мы жить в 220-ом квартале, который позднее стал называться «Пе-

ченевка», «Боровой». Сейчас это богом забытый уголок без всякого производства, где доживают свой век старики.

Итак, главной задачей «Двадцатого» была заготовка леса и частичная его переработка. В лесосеках вначале валили лес поперечной пилой, затем – «лучковой». Кстати, «лучковая» пила в свое время сделала революцию на заготовке. По сравнению с поперечной (с которой управлялось два человека) производительность увеличилась в два раза.

Забыл сказать, что тогда не было бригад: каждый трудился на своем переделе работ – сучкоруб, вальщик, помощник вальщика, отгребщик снега и т. д. И соответственно зарплату каждый получал независимо от результатов другого.

Так вот, всех больше зарабатывал вальщик. Отец рассказывал, что один из них по фамилии Чабан таскал деньги в полевом планшете с собой на работу. Это было несколько десятков тысяч рублей. Он прятал сумку под кустом и забывал, где. Потом искали все, кто мог. Находили, он делился на выпивку с мужиками. А когда спал, сумку под голову клал, чтобы не украли.

Такие люди были, скорее всего, исключением, так как надо было нравиться начальству для того, чтобы выбирать для валки «кубатуристее» дерево.

Позже появились электропилы и бензопилы. Трелевали лес, то есть вывозили с делян и укладывали в штабеля, вначале с помощью лошадей, потом лебедками, первыми газогенераторными тракторами.

Зимой по «ледянке»: дорога, которую поливали водой. Посредине делалось углубление шириной сантиметров 30-40 и глубиной до 20. На однополозные сани накладывались бревна, и лошадка тянула воз в поселок. Там он либо отгружался в вагоны МПС, либо разделывался на доски, шпалы, тарную дощечку и т. д. Причем, вначале бревна в вагоны тоже грузили с помощью лошадей. С годами их поменяли лебедки и краны.

Спустя время от ледяных дорог отказались. Стали строить узкоколейные дороги и «лежневки» – деревянные тротуары, по которым на автомашинах вывозили хлысты. А по УЖД – на паровозах, мотовозах в специально оборудованных турникетах.

Надо отметить, что в свои лучшие годы лесопункт заготовлял до 150 тысяч кубометров в год, в шпало-лесопилении, тарном производстве перерабатывали до 30 процентов.

ПОСЛЕДНИЙ РЕКВИЕМ

Нет в настоящее время нашего поселка, с которым у многих его жителей связаны добрые и теплые воспоминания. Он исчез с географической карты, как и многие поселения России в связи с новой экономической формацией в стране. Об этом я еще раз подумал, когда летом 2014 года Татьяна Рагозина и Сергей Туркин, благодаря сайту «Одноклассников», организовали встречу бывших земляков. Приехали не только из близлежащих районов Свердловской области, но из других городов России, чьи родители жили здесь в далекие 60-е годы прошлого столетия. Давно уже нет в живых взрослых людей, населявшие поселок, но остались их дети, которые с честью продолжают славную русскую традицию родства.

Собралось более тридцати человек. В основном, дети тех, чьи родители в разные времена жили в поселке. Среди них Валя и Галя Глымбоцкие, Туркин Сергей, Осипов Александр, Белоус Анатолий, Чентук Света, Батура Тамара, Бессараб Надежда и многие другие, с которыми я ходил в детский сад, а потом учился в школе. Все они теперь пенсионеры, уважаемые люди, дедушки и бабушки благополучных семейств.

Было много объятий, разговоров, даже слез. Единогласно приняли решение на другой день съездить в свой несуществующий родной поселок. Сказано – сделано!

Кавалькада личных машин рано утром двинулась сначала по асфальту, а потом по грунтовой дороге к своей цели. Через несколько часов были на месте. У въезда в поселок нас встретило поселковское кладбище. Постаревшее от времени, неухоженное ...и такое знакомое. Быстро нашел могилу своего дядьки, будто кто-то провел меня, как по компасу. Помянул. Остальные тоже разбрелись по могилкам – у каждого здесь родственники, знакомые.

Двинулись по дороге в поселение. Взору предстала грустная картина. То там, то здесь сиротливо стояло около десятка полуразвалившихся деревянных строений.

– Вот на этом месте стоял наш дом, – показывая на заросший бурьяном участок, сказал Сергей Туркин.

– А здесь был наш, – Чентук Света подошла к молодой березке.

– Мой дом до сих пор стоит, посмотрите, – показал я свое родное гнездо. – Правда, весь разрушенный временем.

Люди, молча слушали. Затем стали расходиться в разные стороны, с надеждой найти остатки своих домов, вспоминая свое детство и юность.

Время летит быстро. Надо уезжать. Дорога до ближайшего поселка, а это 6 километров, ужасная. Без подстраховки другой машиной лучше не ездить. Но все обошлось благополучно. Здесь в столовой организовали небольшой поминальный ужин. Выпили за родное пепелище, родителей, лучшие времена.

Под настроение я вспомнил стихотворение поэта Геннадия Шпаликова, которое как никакое другое подходило к нашей ситуации. Прочел:

По несчастью или к счастью
Истина проста –
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем –
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно
Я бы запретил.
И прошу тебя, как брата,
Душу не мути...

Все молчат: кто соглашается, со стихом, кто нет.

«Двадцатый», какой же ты стал непохожий на себя... Время и современные политиканы затолкали тебя в небытие, вычеркнули из общественной жизни, наплевали на людей, живших когда-то в нем. В общем, поступили вполне «демократично», в духе нашего времени.

А еще через два года бывшие жители поселка поставили рядом с кладбищем поминальный крест в честь живших и умерших .

Теперь каждый год приезжают потомки «Двадцатовских» почтить их память!